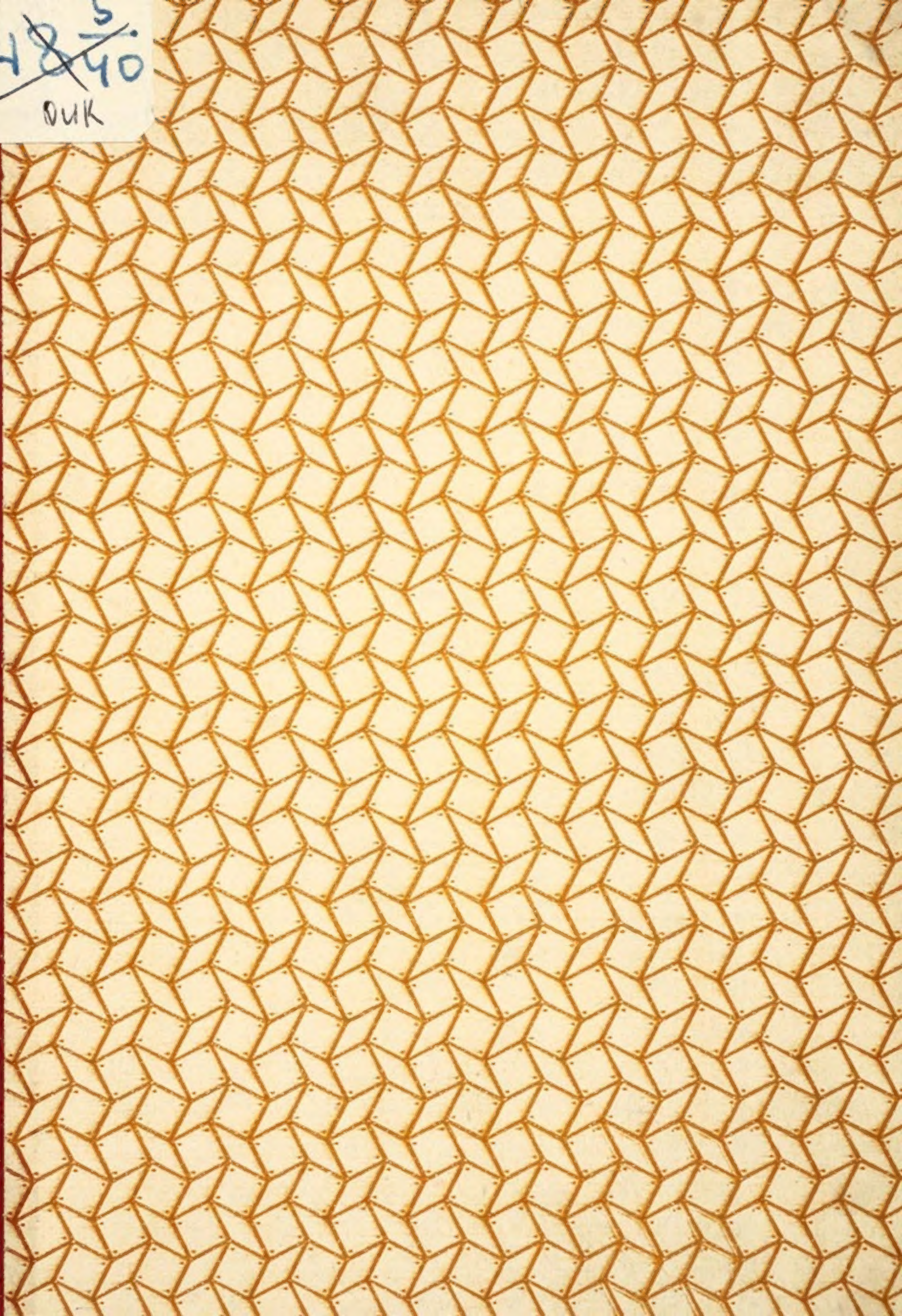

⁵
~~K4840~~
DUK

4
у
К 48 ⁵/₄₀
Николай Асѣевъ—Григорій Петниковъ

ЛѢТОРЪЙ

ОБЛОЖКА РАБОТЫ МАРИИ СНИЯКОВОЙ

К 485
НИКОЛАЙ АСѢВЪ и ГРИГОРІЙ ПЕТНИКОВЪ.

кн. деф.

ЛѢТОРѢЙ

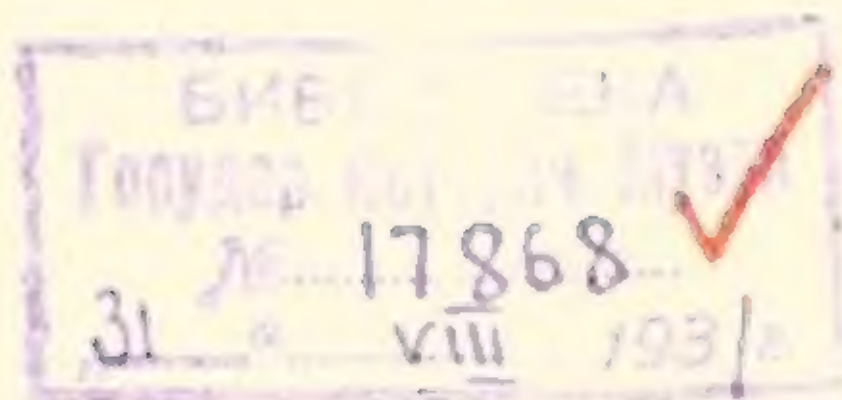
КНИГА СТИХОВЪ.

МОСКВА 1915.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИРЕНЬ“

Дорожному Сергѣю Павловичу Барову
отъ Григорія Петкинова.

17. X. 15.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О „ЛѢТОРѢБѢ.“

Видѣніе слова преслѣдуетъ человѣчество со временъ первобытныхъ. Въ словѣ человѣкъ узнаетъ самого себя.

Слышимый міръ огромнѣе міра видимаго, такъ какъ въ немъ есть кромѣ названій — именъ міра видимаго — званія мыслей, воплощаемыхъ безъ пространственной помощи. Ряды душевныхъ движеній, вызывающихъ къ жизни слово, превращаются въ хотѣнье творца вызывающую къ жизни строку и стихъ. Но слово всегда позади человѣка. Больнѣе же всего кинутыя въ спину: рѣчи, слухи, брань. Языкъ безъ костей; онъ гибокъ и силенъ и бросаетъ слова далеко. Все дѣло въ оснасткѣ слова; уснастить его можно по-разному: умомъ, либо красотой, либо жизнью.

Умъ вливаетъ въ слово ядъ, красота даетъ ему полетъ, а жизнь лишь въ томъ сочетаніи звуковъ, что остаются у людей многовѣчно открываясь внезапно созвучіями корней въ языкахъ разныхъ расъ. Ядовитое слово ранитъ и умираетъ, лѣтнее — облетаетъ легко городъ, страну, міръ, задѣвая крылами множества губъ, перекликая многоповтореннымъ эхомъ, но *живое* — живетъ не будя повтореннымъ, быть можетъ, ни разу долгое время — какъ въ деревѣ огонь. Къ такому слову устремлены дыханія всѣхъ существъ и — кто знаетъ — не обгонятъ ли въ этомъ человѣка — камни, потому что нѣмота человѣка охватываетъ все чаще и все на большіе промежутки вѣковъ.

Но такое слово жжется больнѣе, чѣмъ раскаленная мѣдь. Рынокъ, взявшій огромную кису остывшихъ, истертыхъ словъ, доволенъ ихъ службой обмѣнной монеты. Онъ принимаетъ за злобную шутку горячія деньги. Онъ студитъ ихъ, затапывая каблуками въ грязный снѣгъ.

И, если весной находятъ новенькія блестящія денежки — онѣ уже холодны и радуютъ своей позволительностью къ нимъ прикоснуться. О, несчастные классики, купившіе нищенство за ласку рынка! И старость!

Не хлѣбъ и рыбы — камни и змѣй несите на рынокъ... Еще и еще разъ утверждайте единственную отвѣтственность творчества — правило новаторства. Но не техническогоизма, а признанія за каждымъ пишущимъ своего не боящагося хотѣнья поражающаго ходячій смыслъ. Родится ли слово жизни въ душѣ избранника — это все равно неизвѣстно будетъ толпѣ. Красота и ядовитость — только сподручники. Ихъ можетъ и не быть. Слово у современнаго человѣчества можетъ явиться только въ стихѣ. А стихъ не является размѣрной однообразной качкой купѣ перваго класса, какъ думали доселѣ. Онъ безъ костей размѣра! Онъ безъ третьяго блюда риѣмы! Онъ только сочетаніе звуковъ, ведомыхъ проснувшейся волей. Боевое слово является въ немъ внезапно поражая чувство и умъ. Напряженная душевною силою рѣчь!

Поэтому для насъ необязательны ни ранѣе существовавшее правило о содержаніи творимаго, ни нынѣ вошедшее въ силу ученіе о формѣ слова и слога. Потокъ звуковъ можетъ образовывать мысли, но онѣ никогда не будутъ управлять имъ. Стихъ можетъ быть размѣренъ и созвученъ, но размѣръ и созвучіе не могутъ быть признаками стиха.

Дикое слово ведется нами изъ душевныхъ дремлинь.

Можетъ быть оно умереть не вынеся неволи. Но можетъ быть дойдетъ и, разъяренное, перерветъ горла домашнимъ псамъ, ревниво охраняющимъ за кормъ и уголь, лавченки рынка.

Лирень.

Ра:

Ск

Не отвѣтишь, должностныи,
Прежняя моя надеждо.

Но не извѣруюсь мыслями стиснутый тѣсными,
Нѣтъ не извѣруюсь, Нѣтъ не извѣруюсь

Рѣже - но

Буду стучать къ Тебѣ дикій, взъерошенный, бѣдненький

Буду хулить Тебя,

Чтобъ ты откликнулся

Пѣснями!

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Я запретилъ бы „Продажу овса и сѣна“...
Вѣдь это пахнетъ убійствомъ отца и сына?
А если сердце къ тревогамъ улицъ пребудетъ глухо,
Руби мнѣ, грохотъ, руби мнѣ глупое, глухое ухо!

Буквы сигаютъ какъ блохи
Облѣпили бѣленькую страничку,
Умъ, имѣющій привычку
Притянулъ сухія крохи

Ст|
Ил
Во·
По

ОСАДА НЕБА. БОГДАНУ.

Сердцецъ отчаянная троя
Не размела временъ пожаръ еще,
Не изгибаите въ дикомъ строѣ
Впередъ, впередъ, впередъ, Товарищи!

Эй, эй! Одинъ склоняетъ вѣки,
Хватая день губами мертвыми,
Взвивайте горы, грозы, рѣки
Онъ нашъ, онъ нашъ, онъ вѣчно гордъ вами!

Эй, эй! Онъ братъ намъ, братъ намъ, братъ намъ!
Его, Его земель и правъ длинна...
Не будетъ здѣсь на вѣтрѣ ратномъ
Его дыханье окрававлено

Увидите: на морѣ это
На сухопутыи и на воздухѣ!
Такая ль воля---не допѣта,
Пути ль не стало ЭТОЙ поступи...

Гляди, гляди больнѣй и зорче
Еще, еще, еще на міръ очуй,
Мы бьемъ, мы бьемъ по кольцамъ корчей,
Идемъ, идемъ къ тебѣ на выручу.

ПОЖАРЪ НА БАРЖѢ.

(Примѣръ матеріалізаціи словообраза).

Мы издали увидѣли
Бѣщающій тоску
Взлетѣвшій со святителя
Раскутанный лоскутъ.

Матросовъ смытыми клеймами
Играють влажныя волнъ ямы:
„Великомученикъ Пантелеймонъ“
Исписанъ синими молніями.

Сталь еще святѣе, надѣвъ, ушкуй
Золотой, косматый вѣнокъ
Вѣтеръ вертитъ огонь какъ дѣвушку
У ея задыхаясь ногъ

Послѣдней водой лелѣемый,
Въ половицу четвертаго,
Надаетъ Пантелеймонъ,
Мачты медленно перевертывая.

ВЫБИТО НА ВѢТРѢ!

Совпаденіе наглядной (начертательной)
доказательности корня со звучарью:
звукъ В, повторенный въ корнѣ ЛЫВ,
даетъ зрительное впечатлѣніе взды-
мающихся надъ строками волнъ *)

Пароходъ „Херсонъ“, Апрель 1915 года.

Дифпоръ! Кипящія пясти
Чарноморець! Въ темную бороду!
Впуталь! И рвешь на части!
Гирло поставивъ городу!

Слово?—Нѣтъ оплыву я
Вѣчноглубыя эти жалобы
Зашиби лыбу большую
Бѣлолобая глыба палубы

*) Не смѣшивать съ ходячимъ понятіемъ „инстру-
ментовки“ стиха, радующей только актера.

Колыбелью улыбокъ выбить
Сонъ о пѣнистомъ лепетѣ...
Крикъ вашъ хочется выпить, Ахъ!
Съ волнъ полетѣвшіе лебеди

Глухо закованъ въ версты,
Выданъ водѣ и дивени
Вамъ подражаетъ острый
Кличъ человѣчья имени!

ГРАНИЦА.

Гляжу съ улыбкой раба:
Одного за другимъ подъ знамена
Грозясь несутъ велеба
Взывая въ даль поименно!

Какой человѣкъ въ подъемникѣ
Подбросился вверхъ какъ мячикъ!..
— Склонились внезапно домики
Для взоровъ искусно зрячихъ,

Ихъ много вдали игрушечныхъ
Свалилось какъ черный козырь,
Когда отъ дыханій пушечныхъ
Бѣжали по небу розы

Свѣтись о грядущей младости
Еще не живое племя...
О, Время! Я радъ, что Я достигъ
Держать тебѣ нынче стремя.

Москва, Октябрь, 1914.

ЗАПОВѢДНАЯ БУЩА.

Триневластная твердыня
Заневоленныхъ сердець
Некуда дремлюгѣ нынѣ.
Некуда отъ шумей дѣться:
Мечутся они во станѣ,
Ярествуютъ на груди

А въ тѣ дни смѣясь предстанеть.
Възичь възей впереди!

Бунь на полянѣ Цвѣтляны
Осень взбѣжала—Олень,
Только твои не сгубляны
Ясовки яблочный день

Только твои не срубляны
Бѣлые корни небесъ,
Дивится дѣлу Цвѣтляны
Дѣтская доля живесъ
Москва, 1913.

ГРОЗУВА.

Какъ ты поднимаешь желѣзо,
Такъ я забываю слова:
Куда погрохочетъ съ отвѣса
Глухая моя булава?

Какъ птицы маячатъ присловья,
Но мнѣ полонянна—одна:
Подыметъ посулы любовья
До давьяго дневьяго дна

По крыльямъ желѣзной жеравы
Стекаетъ поимчивый путь
Добычить лихія забавы
Ея бѣломѣтная грудь;

Вѣтровъ перемѣривши шелкомъ
Беззвучій твоихъ глубину,
Я вызвѣжжусь на небѣ желкломъ,
Помолнѣями въ мѣръ полыхну

Чтобъ ты о, печале Роксано,
Вершала могучій потустъ
Ничьею рукой не касана,
Ничьихъ не касается устъ.

Москва, 912.

МИХАИЛЬ ЛЕРМОНТОВЪ.

Былъ несчастень: никѣмъ
не видимо кривляясь, какъ
червякъ подъ пятою.

*„Но подъ чадром длиннымъ
Тебя узнать — нельзя“.*

Видючи — лукавыя руки,
Знаючи тумановъ цвѣтъ,
Помнючи — предсмертныя муки,
Слушайте — звоночки монетъ *

Блѣянье бѣднаго разбѣга
(Нѣтъ, онъ теперь не высокъ!)
Тлѣйте же волосы Казбека
Счесанные вѣтромъ на високъ.

* Малороссіянки и жительницы горъ часто носятъ ожерелья изъ серебряныхъ монетокъ.

Умьйница лиховеселья,
На дикія радость-сердца
Зачѣмъ наступила газелья
Какъ воды смутила зерцать?

И медленна и желанна
И хитростная—щедра
Со усть облетѣвъ--неустанно—
Опять налетала чадра?

И тотъ, кто тлѣеть повержень
За скальной, опасной тропой
Винтовки промѣрянный стержень
Оставилъ слѣдить за тобой!

Пройди къ повороту и скройся
Изъ пыльных недѣль навсегда

И день мой персидскій утройся,
И пѣной покройтесь года!

БРЕГОВѢГЪ.

Зазмѣившись проплыла,
Грозныхъ вдаль отбросивъ триста,
Въ море—памяти скула
Въ слезы взмыленная пристань

Даже высушена соль...
Даже самый вѣтеръ высохъ,
Но морей пѣмая боль
Желтымъ свистомъ пляшетъ въ лицахъ.

И въ колѣни моряка
Опрокинувъ берегъ плоскій,
Перерѣжутся вѣка
Чернымъ бокомъ миноноски

Уплывающимъ—привѣтъ
Остающимся—прощенье
Насъ—ни здѣсь, ни съ тѣми нѣтъ
Мы—вѣдь вѣчности вращенье.

Іюнь. Евпаторія.

У САМАГО СИНЯГО.

Синеусое море хитро
Улыбается лаковымъ глазомъ...
А я умирая вытру
Изъ памяти разомъ
Тебя и другую красавицу:
Тонкорукую, робкую Тускаръ,
Пролетѣвшую ножкою узкой
Отъ путивля до старенькой суджи
(Засыпающихъ сказки дѣтей)..

О разсыпья измѣною тутъ же
Инописецъ старинныхъ бытей

Какъ же забыть миѣ бѣлые лапти?—
Вѣдь онъ раскинулся усами синими
Вѣдь полдню хочется крикнуть: „Грабьте
Его жаркими нынѣшнѣ“

Вѣдь—мгновенію вѣренъ и крѣпокъ
Закипаетъ, встаетъ на дыбы,
И не мной же онъ выверченъ—слѣпокъ
Покоренной приморьемъ судьбы:
О, не съ рукъ ли отряхивая бури
Ломая буйности рога
Подъ трубы Труворовы, Рюрикъ
Взлетѣлъ на эти берега

И—вновь закипѣвшіе призраки бѣдствій
Я вижу въ опасномъ морскомъ сосѣдствѣ.

МОРСКОЙ ШУМЪ.

Двѣ слабости: шпилекъ и килекъ...
А въ горячее лѣто
Море цѣлитъ навывлетъ
Изъ зеленого пистолета

Но схвативши за руку вѣтеръ,
Позабывшее все на свѣтѣ,
Въ лицо ему мечетъ и мечетъ
Лѣто, горячія рѣчи;

О! Море—какъ молодецъ! Весь онъ
Встряхнулъ закипѣвшія кудри
Покрытый ударами пѣсенъ
О глѣвомъ зазнавшемся утрѣ.

Ты вся погружаешься въ пѣну,
Облизанная валами,
Но черную похоти вену
Мечтой разсѣку пополамъ я

И завтра какъ пристани взмылятъ,
Какъ валомъ привалится грудь:
На вылетъ, на вылетъ, на вылетъ,
Меня разстрѣлять не забудь.

И ПОСЛѢДНЕЕ МОРЮ.

Когда затмилось солнце
Я легъ на сѣрый берегъ
И ѣлъ скрипя зубами тоскующій песокъ...
Тебя запоминая
И за тебя не вѣря,
Что можетъ оборваться межмірный волосокъ

Всползали любопытно по стѣнамъ смерти тѣни
И лица укрывала сѣдая кисея...
Я ощущалъ земли глухое холодѣнье,
Но вдругъ пустынный воздухъ вздохнулъ и просіялъ!

Ты чувствуешь въ напѣвѣ скаканье и касанье?
То были волны, волны! Возникнуть и замрутъ...
Я вспомнилъ о Тосканѣ, гдѣ царствовать Оксанѣ

И вотъ тебѣ на память навѣки изумрудъ.

Крымъ. Августъ, 914.

ГРИГОРІЙ ПЕТНИКОВЪ.

ВѢТРОГОНЪ.

Разумѣть не можно быстровій,
Перескакивая съ облыжной очереди
Не заломлять по выси брови,
Кто не узнаетъ возданной дочери.

А сокрываясь въ обымы бреденя,
Дивъ глянулъ дремливо на облакъ мочи,
А не умѣритъ весельныхъ вѣдѣній
Оброчный сынъ пониклой ночи

Имучъ въ умчалыхъ верстахъ ночало

Коней, изъ горъ чьи, къ мѣтѣ домчало.

М., Апр. 914.

ВОСТОРГЪ ИЗЪЯВЛЕНЪ.

Восторгъ изъявленъ горестью горизонта,
Въ разодранномъ кружевѣ вожделѣнью послѣдней—
А веснѣ отвѣчаетъ изломанный
Громъ преднебесной колеби.

И вотъ въ находѣ прямѣйшей закрути
Отвѣщаны бываньямъ вольности;
Такая вѣтрянность въ замѣрномъ закутѣ!..
И вещенъ вѣщій имеконязь.

Сумѣють груди, губы
Въ мірячемъ любежѣ—
Какъ ломится на тучахъ убыль
Въ обратномъ рубежѣ.

ПАПОРОТНИКЪ.

На страшный верхъ изъ вѣръ
Отъятый случай на поклонѣ
Въ гаданьи стрѣль извѣргъ—
Рѣчами глазъ — напротивъ.

Рѣками въ ладъ ведутъ
На встрѣчу мольбу о дубы,
И гиѣздный пиръ на путикѣ
Встревожный склонъ задуетъ.

Взоры бѣжали сами...
Запыханы души словъ...
И коло вечера лѣсами
Навзлѣтъ развиваетъ число...

НОРОВЪ.

Горюнь распластанъ на небозѣмѣ
И грому — въ разодранной линіи,
А горбъ горится, въ отвѣтѣ вздыбившись.
Въ вопросъ явленію — на высотѣ подъема.

Красочь, играње, и въ шитыхъ зоряхъ
Страхъ вещныхъ вѣръ, избытье слынья,
Рукой насмѣшника веселыхъ имя,
И нѣжно шлема безперыхъ вымя
Во свитѣ блеска дерзка отвѣтомъ,
На рукояти норова, гордынь Жигмонда.

РУСЛА.

Что въ эти домны заката
Сбросить — въ уплывные горы
И въ хлада колыби закатить
Блескъ въ смѣну на ТУскъ непокорный

Упоеваясь въ расплывныхъ тѣхъ струяхъ,
Что взнесенныхъ дротиковъ снопы
Кренящаго диска умчала дискоболѣа,
Она не разстроитъ очереднаго запуска,
И конщикъ не сдуетъ чѣръ въ сбруяхъ
Летящаго противочудень;
Напружность веселую стопить
Опальнаго втунѣ пали о
Забѣжчика съ утра самъ узкой
Обгонитъ той згою меня развѣ!

Что до послѣдующей — я не участникъ
И на журливомъ озерѣ мой парусъ вѣй.
Парусломъ слезъ застѣнящей,
А не бывало — не правда? — прекраснѣй
Вѣсель ея опѣнящей.

Коувола, февраль.

МІРОСЕЛЬ.

Какой бы сверкалой дюжины
Утѣшена стоя надменника.
Омірщеннойю клонью разбужены
Позвука зорчіи плѣнники

Такъ отвѣчаетъ въ гонитвѣ —
Неудоднымъ походомъ на пропасти
Дышелъ воздушныхъ на видъ вы
Очертѣлые дыхи робости

Тутнемъ ходячимъ допытанъ
Ревнующій внятень подъемовъ,
Кто же вотъ скажетъ, копытомъ
Бьетъ онъ за рощей Прове?

Тоже замучилъ время,
Кунакъ, добродій удневій,
Можетъ уздѣтая темень
Отдаваетъ завѣдомо гнѣвомъ

Отруба у предмолвія — йночто
Прекословить — клоня обоямо —
По привычкѣ всё жъ дышельнымъ вынужденъ
Туловомъ сдать предъ брамой.

ТУМАНЫ.

Въ нынѣ посылая грозныхъ
Дрожи насмѣшекъ
Чубъ ея вычуранъ просто
На синевѣ безвѣдома

Выплатить слывшими глыбами,
Звучей баянью величень;
Но по зарямъ — вдругъ дыбами
Большая мѣра толиществъ.

Мѣсть безымянная съ ними
Вслѣдъ за побѣгами свиста
Рядомъ и ядровыхъ сниметь
Вздоховъ, встровоженныхъ изстарь.

Вновь на бѣгунѣ туманы *
Волнь вѣтровѣя разрѣжетъ
Дань, поступая, выманивай
Только очами забрезжить

.
.

* Туманы — татарскіе шаровары.

ЯСЕНЬ.

Никогда не устанетъ рамо,
Если въ ясную яти баву
Съ хода въ инія стопы перебрасывать
И въ самую рань—чрезъ сланный ржавецъ
Туго придетъ, не прихрамывая,
Въ беременатую нынѣ славу;
Позади, наизусть забѣжи
И съ нагалу постромки тугія порви
И во окія навѣсти храмовыя,
Что въ нежданную взлетевшую ЯСЕНЬ
Перебрасывайся живѣе съ межи,
Осмѣхнется таимникъ поляны, Сынъ ясный,
Но ты очей не смежи,
Хоть и въ синь высыпаетъ ясокъ
Тьму, яруги оба-пола — цвѣтень..

.

День голубой веселый лѣтній
И прячетъ тѣни стволъ въ кусты,
Но это разъ, конечно, только было,
Что руки твои повисали пусты

А тамъ растачиваетъ покрови теплынь
И лѣтось ихъ мы точали.
И нынче подариваетъ насъ работой на лѣто,
Ахъ, до самаго вечера злая погонщица
Насъ понукаетъ—свѣтлынь...
Это совсѣмъ не покроемъ печали,
Миѣ бы покроемъ печали,
Нежданъ какъ шитье окончится,
Еле сметаю, на плечи
Набросили жаркій барканъ;
Чрезъ дней чреду прошли бы легче
И были бы цвѣтнѣй расшивки
Эхъ, ты, расцвѣтчикъ,—смуголь—

Ходатай вара и поводырь
Разрубишь поворотный лѣта уголь,
Постой, твои шаги такъ шибки...
Голову забросивъ, руки развѣсивъ—
Какъ сладостна твоя голубь, О ВИРЬ!

ВЪ ЛИЦО.

Ахъ просини, просини вразъ украсили
А, бросьте ихъ, бросьте“ лиль ливмя
Дождь на фонарей ихъ розсыпь газовыхъ.

Совсѣмъ неукрашенный,
А все же приходитъ...
Ну, такъ мы его разомъ живо
Приложимъ къ сезона модѣ.

Вы скажете: День это
Порѣжетъ ихъ ниткою шелковой—
...И упадетъ, а тѣнь не та
И не развяжете рукъ, только ли?

Тѣнь отдать его на попечительство!
А тогда мы порядкомъ его вычислимъ.
Что и когда случится: Что за мучительство!
Сейчасъ только нарядимъ его и вычистимъ.

А предъ отбытіемъ вашимъ,
Чтобъ временей цѣпь была порвана,
Миѣ какъ то нѣкогда даже
Пусть „тѣ“ отправятся кости считать ворона.

Совсѣмъ не украшенный,
Онъ придетъ и наскажетъ:
„Дню—только счетъ четвертое“—
Нарядъ на слѣдующій наряженъ,
И не страшно его встрѣтить въ обѣрткѣ.

Звукъ и руки – все послано въ поѣздъ.
Ну, да какой же горести
Вы ожидаете скоро?
Но я хотѣлъ сказать, то-есть,
И, что не такъ онъ то воромъ
Прямо въ лицо быть названъ
Спряга дебела, не яхонта

Выше повислая грозди!

И, поломавъ затворы
Дневного разбоя
Объ откровенныя злости.

ПО ВЕСНѢ!

Когда въ сухую весень грусть
Днемъ площадь снится,
Біеніемъ не скажетъ: пусть!
И неба борчатая плащаница.

За вычетомъ дали останется
На вѣтеръ заброшенный призракъ,
Числовыхъ строгостей данница
Ношена мной еще въ дѣтствѣ.

Асфальтомъ пошире, помимо все гнался
Двѣнадцать усталостей!
Точно какъ надсырь канауса
Измѣрена вѣрно на чувство
Раздвоенной усть твоихъ алости...
И зрачекъ въ двухъ углахъ усмѣхался

А ты же все кочевникъ
Моихъ обугленныхъ строкъ,
Свѣтомъ послушай очей въ нихъ
Водопояхъ гремящій рогъ.

ПРИМИРЕНІЕ.

Въ вресени было, въ вресень,
Чалый умчался серпень,
А до сихъ поръ опѣваешь
Утро ты бавыхъ пѣсень.

Свѣй же съ насъ свислыя нити
Доколѣ придетъ весна,
Когда пальцы Ясныи вити
Ихъ устаютъ навсегда.

А оmyвай вѣтеромъ
Ты о заплечья повольника,
Что на буявомъ сборищѣ
Всѣхъ замолчалъ рѣчарей,
Разъ показавъ своевольника
Должный примѣръ, - не уморится
Гладить небрежно изличья морей.

ЭТО ПОСЛѢДНЯЯ ВЫЛАЗКА.

Это послѣдняя вылазка,
(Робости ростъ отринь!)
Что арьергарда выпускн
Опредѣлила свѣтлынь,
Словобореніемъ пѣны
Стынутъ событья въ концѣ,
Ты хоть на пядень мѣны
Вресень, о вресень, подайся:
Свилы своей на гонцѣ

Путаешь свислыя нити.
И, такъ Ясыни пальцы
Моей умершей свѣсти,
Что утромъ холоже сиѣга
Вы же ихъ, вы же, вити
Будете въ лицахъ разлуки,
Втаю даваешь вѣсти,
Изъ-за рѣки Олега
Ты, напружая луки,
И сланью стелятся стрѣлы...

Но въ сторонъ зарученья удѣла
Повернешь ли навѣрно раменья,
Или въ вечеръ навѣчно промѣнянъ
Проигравшійся пасербъ сердца?

ПОХОДЫ.

Какъ солнце низко стоитъ,
Опыляетъ доспѣхи мечаря,
Развѣ дѣлавыхъ и иѣжныхъ таитъ
Трепетъ столь пристальный вечера?

То—возметнѣлые лепесты
Бурныя цвѣли Опрѣля...
Такъ же стояли и бересты
Пѣли бережныя рѣни...

Въ вѣтлыя ринули пристани
Войски сувѣрныя вѣсель,
Боя не приняли изстари
Сколько недуговыхъ весенъ

Рвитесь веселыя взяли,
Мчитесь извои заградъ,
Прави и брань волостеля
Пѣли при смѣхотѣ крадъ.

Царицынъ. 1913.

ВАЛЫ.

И навзничь, и взмятыми взмахами
Онъ бросить, не спросить, безъ просыпу,
Тебя омѣряющій долями
Сторонная доля козыря.

На вѣрную черную бродунь
Блистательно сжата побѣдами,
Лонщина, лей въ воду
Быстробѣжную брежжень вѣдами.

Такъ.—

Но это вѣдь также возможно,
Какъ локтемъ задорнаго роста
Вѣнчанный и встрѣченный ожить
Раздаренный даждень юродства.

Онъ вспугнуть неровней порога,
Кривляетъ обратный излѣтъ;
Но второе тобою, котораго
Врядъ ли сверстаетъ весло.

КРЕСТОВОЕ.

Встревоженный воздухъ не можетъ
Вынести вельможныхъ устъ—
Съ нимъ и измытый измѣнами
Правень воздушныхъ уздъ.

Косяка доведёнъ изворотомъ
Въ бologое, чего облака,
Волокнясь, по слѣдамъ валоводовъ,
Не желаютъ совсѣмъ колыхать

Сквознымъ устало время,
Мірячь по глубямъ блескъ.
Уборомъ рваныхъ угловъ
Гребни морскихъ чешуй—

Какъ скалы—отвѣты узловъ—
Какъ рѣчевита одежда изъ шуй.

Птг., февраль.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИЙ

КН-СТВЪ

„ЛИРЕНЬ“ и „ЖУРАВЛЬ“.

Книгоиздательство „Лирень“.

АВГУСТЪ 1915.

- НИКОЛАЙ АСЪЕВЪ. Зор. (2-я книга стиховъ) изд. самописью.
М. 1914. ц. 50 к.
- БОЖИДАРЪ. Бубень. Изд. самописью. М. 1914. ц. 50 к.
- НОВАЛИСЪ. Фрагменты въ переводѣ Григорія Петникова. Кн. I.
М. 1914. ц. 70 к.
- НИКОЛАЙ АСЪЕВЪ и
ГРИГОРІЙ ПЕТНИКОВЪ. „Лѣторѣй“. (книга стиховъ). М. 1915. ц. 70 к.
- НОВАЛИСЪ. Фрагменты въ переводѣ Григорія Петникова. Кн. II.
(печатается).
- НОВАЛИСЪ. Цвѣтень въ переводѣ Григорія Петникова. Кн. III.
М. 1915. ц. 70 к.
- НИКОЛАИ АСЪЕВЪ и
ГРИГОРІЙ ПѢТНИКОВЪ. — Упѣвки языка (печатается).
- НИКОЛАЙ АСЪЕВЪ. „Повѣй Война“ въ 10-ти распѣвахъ; обл. и
рис. М. Синяковой. М. 1916. ц. 1 р.
- БОЖИДАРЪ. Распѣвочное единство. М. 1914. — Unicum.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- БОЖИДАРЪ. Стихи и сказки.
- ГРИГОРІЙ ПЕТНИКОВЪ. Прилоги русской поэтической рѣчи.
- МАЛЛАРМЕ. Поэмы. Переводъ Г. Петникова.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

- Москва. — „Т-во Н. П. Карбасниковъ“. — Моховая ул.
„Современныя Проблемы“. Б. Никитская ул.
- Петроградъ. — М. В. Поповъ (Ясный) — Невскій, 66.

„СЛОВОВѢДЪ“

Вѣстникъ художественной рѣчи,
издаваемый кн-вомъ „Лирень“.

1. Движеніе и развитіе рѣчи: а) разговорная рѣчь: московская, сѣверная, юго-западная, нарѣчія, говоръ, жаргонъ. б) КНИЖНАЯ Рѣчь: словосъченъе, словообразъ, силословъ. 2. Реклама новаторовъ: а) пренія; б) обзоры и руководства; в) ЖИВАЯ Рѣчь: выступленія, матеріалы (звукъ, слово, сказъ, стихъ); 3. Перечни живокнигъ, списки и свѣдѣнія по книгодѣлю.

Участвуютъ: Н. Асѣевъ, Давидъ Бурлюкъ, И. Бурлюкъ, М. В. Матюшинъ, Владиміръ Маяковскій, Гр. Петниковъ, Велеміръ Хлѣбниковъ, П. А. Флоренскій и другіе.

(1-я книга журнала выходитъ въ Сентябрѣ 1915 года).

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖУРАВЛЬ“.

Е. ГУРО.—Шарманка. Ц. 1 р. 25 к.

Е. ГУРО—„Осенній Сонъ“.

САДОКЪ СУДЕЙ—I-й.

САДОКЪ СУДЕЙ—II-й.

„Трое“—ХЛѢБНИКОВЪ, КРУЧЕНЫХЪ, ГУРО.

Е. ГУРО—„Небесные Верблюжата“.

МЕЦАНЖЕ ГЛЭЗЪ.—„Кубизмъ“.

В. ХЛѢБНИКОВЪ—„Битвы 1915—1917 г.г.“.

Соч. М. В. МАТЮШИНА: „Осенній Сонъ“ (скрипка, рояль).

„Донъ-Кихоть“. сюита—(рояль).

„Четверти тона“—удвоенный хроматизмъ—скрипка.

ФИЛОНОВЪ.—„Пропѣвень“.

ВЪ ПЕЧАТИ:

Опера „Побѣда надъ солнцемъ“.

„Бѣдный Рыцарь“. —Е. ГУРО.

Складъ изданій: Петроградъ, Песочная, 10.

DNK-68400

